

Галькова Алёна Вадимовна

ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В АВТОБИОГРАФИИ К. А. КОРОВИНА "МОЯ ЖИЗНЬ"

В статье рассматриваются особенности эстетической рефлексии в автобиографии художника-эмигранта К. А. Коровина "Моя жизнь". Тенденция авторской эстетической рефлексии обусловлена поиском живописцем своего творческого пути, осмыслением собственной художественной деятельности и оценкой творчества современников. Отмечается, что в рамках автобиографического повествования в качестве аргументации / контраргументации для обоснования собственных эстетических суждений художник использует "чужое слово".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 15-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

FROM A. M. GORKY'S PLAY "THE LOWER DEPTHS" TO Y. I. ZAMYATIN'S SCREENPLAY**Beresneva Galina Andreevna***Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
thewretched92@gmail.com*

The article analyzes Y. I. Zamyatin's screenplay "The Lower Depths" in relation to its literary source – A. M. Gorky's play of the same name. The author examines the influence of A. M. Gorky's ideas on Y. I. Zamyatin's artistic intention, analyzes how the writer transforms dramatic story and the system of images as well as the peculiarities of transforming literary work into a screenplay addressed to a foreign – French – audience. Contrary to previous researches dedicated to Y. I. Zamyatin's screenplay, the study focuses not on its history but on its textual and script-related artistic originality.

Key words and phrases: Y. I. Zamyatin; A. M. Gorky; screenplay; literature and cinematograph; literature and script writing.

УДК 82-94

В статье рассматриваются особенности эстетической рефлексии в автобиографии художника-эмигранта К. А. Коровина «Моя жизнь». Тенденция авторской эстетической рефлексии обусловлена поиском живописцем своего творческого пути, осмыслением собственной художественной деятельности и оценкой творчества современников. Отмечается, что в рамках автобиографического повествования в качестве аргументации / контраргументации для обоснования собственных эстетических суждений художник использует «чужое слово».

Ключевые слова и фразы: эстетическая рефлексия; метапоэтика; автобиография; изобразительное искусство; первая волна эмиграции; К. А. Коровин.

Галькова Алёна Вадимовна*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Kalosagahtos@gmail.com***ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ
В АВТОБИОГРАФИИ К. А. КОРОВИНА «МОЯ ЖИЗНЬ»**

Константин Алексеевич Коровин (1861-1939) – блестящий русский художник, работавший в разных жанрах, театральным декоратором, пробовавший свои силы в монументальной живописи и прикладном искусстве, обладавший особым колористическим даром. В своем художественном творчестве К. А. Коровин, помимо таланта живописца, проявил и талант литератора. Первые два очерка художника «Причуды Шаляпина» и «Как мы начинали» (об И. И. Левитане) были опубликованы в 1911 г.

Современник К. А. Коровина театральным критиком В. Я. Светловым писал об очерках и рассказах художника, выходявших в печати с 1929 г., в своем «Письме из Парижа», опубликованном в рижской газете «Сегодня»: «Перед читателем возникают образы, пейзажи и сцены, как будто он видит их написанными на холсте в той же живой, блестящей, импрессионистской манере, которая является органической природой этого изумительного художника-поэта. <...> Но Коровин не только поэт и художник краски. Он еще поэт и художник слова» [4, с. 12].

Автобиография «Моя жизнь» была написана К. А. Коровиным во Франции за семь месяцев – с декабря 1934 г. к июлю 1935 г. Инициатором создания и публикации воспоминаний выступил друг художника – С. Ф. Дорожинский. Машинопись, представленная живописцем, объемом 120 страниц была напечатана только в 1970 г. в нью-йоркской газете «Новое русское слово» её редактором Марком Вейнбаумом, приобретшим у вдовы С. Ф. Дорожинского данный текст [Там же, с. 22]. В России автобиография была напечатана в 1971 г. в издании «Константин Коровин вспоминает» [3]. Критика писала о неизгладимом впечатлении, которое производит собранная в данной книге мемуарно-автобиографическая проза К. А. Коровина, называя её «лирической» и характеризуя как исповедь по причине глубокой эмоциональности, отражения в ней реального мира сквозь призму душевного состояния автора, – в основе произведений К. А. Коровина лежит нечто «нелегко уловимое: самоощущение художника в породившей его среде. В среде общественной и природной...» [10, с. 183].

В процессе создания автобиографического произведения художник постоянно рефлексировал над собственным творчеством. Анализ рефлексии, то есть самоинтерпретации, которая в высшей степени проявляется в мемуарной прозе, позволяет раскрыть авторский код, заключенный в автобиографии. Эстетическая рефлексия лежит в основе автобиографического повествования К. А. Коровина, что, несомненно, обусловлено специфической точкой зрения живописца, а не профессионального писателя, к тому же представлявшего тип художника-новатора в русском искусстве. Выявление форм, тем, способов введения эстетической рефлексии в структуру автобиографического текста позволяет охарактеризовать специфику саморепрезентации авторского

«Я», раскрыть художественные установки автора-повествователя, определить, в какой мере затронут творчество самого художника, его становление, саморазвитие как творческой личности – переживание процесса своей художественной эволюции и ее итогов, осмысление проблем теории, истории и философии искусства.

Под эстетической рефлексией следует понимать, согласно определению В. И. Тюпы и Д. П. Бака, «поиск субъектом своей актуальной позиции», то есть самоопределение творческой личности, функция которой заключается в осмыслении «роли творца в возникновении художественного целого – еще не существующего, но уже притягательно открывающегося духовному взору автора» [9, с. 5].

Метапоэтика в лингвистике определяется как «поэтика по данным метапоэтического текста, или код автора, имплицитный или эксплицитный в текстах о художественных текстах, “сильная” гетерогенная система систем, включающая частные метапоэтики, характеризующаяся антиномичным соотношением научных, философских и художественных посылок» [11, с. 35]. Лингвист Ю. В. Пономарева рассматривает метапоэтику живописи как проблему на материале литературного наследия живописцев: статей, заметок, воспоминаний, писем, затрагивающих проблемы искусства, К. А. Коровина, М. А. Врубеля, И. И. Левитана и В. А. Серова. Эти художники вошли «в искусство без манифестов и громкого провозглашения новых истин», однако оторгли «предвзятую сюжетность, критическую направленность творчества передвижников, желая показать радость чистого цвета, красок, блеск живописи в своих работах» [7, с. 364]. В исследовании отмечается, что в изучении словесного творчества художников наиболее существенным является «выявление эксплицитных или имплицитных размышлений» о природе истинного искусства и о том, как отличить его от ремесла. «В многочисленных метапоэтических высказываниях выразилось стремление художников к познанию и пониманию особого языка изобразительного искусства. Понимание искусства как познания – один из основных постулатов метапоэтики» [Там же, с. 363]. По мнению исследовательницы, в вербальных текстах художников присутствует сознательная рефлексия, а идея искусства как познания выражается в свойственной словесному искусству живописцев автометадискриптивной функции.

Автобиография «Моя жизнь» К. А. Коровина – это ретроспективное повествование не просто о жизни, творческом становлении художника-повествователя, но и о проблеме «художника» вообще. Автора-повествователя в первую очередь волнует личность творца, поскольку искусство есть отражение души художника, постижение смысла вещей, недоступного обыденному сознанию. К. А. Коровин разделял духовно-эстетические воззрения художников рубежа XIX-XX столетий, входивших в объединение «Мир искусства», к которому он примыкал одно время: художественность, эстетическое качество искусства, свобода творчества, независимость от идеологии, непосредственное выражение личных убеждений соответствующими изобразительными средствами [6]. Основная проблема, которая поднимается в автобиографии, связана с тем, что современники – обобщенная масса, критика, пресса, реципиенты творчества художника – оказываются невежественны в вопросах искусства. Несмотря на то, что К. А. Коровин был уже известным художником на момент написания автобиографии, в центре повествования по-разному высвечивается горькая тема «непонимания» художника «толпой».

В «Моей жизни» она начинается с появления в IV главе проблемы «дурака», значимой в эстетическом плане. Впервые она затрагивается автором-повествователем, когда приводится случай из детства, – у старика, к которому нарратор пришел за лекарством для больного отца, его заинтересовало, что написано в «чуждой книге», на что получил ответ старика: «Бойся больше всякого злодея дурака» [4, с. 42]. Воспроизведение собственных буквальных догадок как процесса постижения детским сознанием сути данного понятия и речи других персонажей: отца и учителя, у которых он ищет ответа, – сознательный авторский прием, позволяющий акцентировать внимание на данной теме, постепенно заостряя проблему. На вопрос сына отец художника сначала отвечает, что «самое страшное – дурак» [Там же, с. 43]. В услышанном ребенком споре отца с учителем дается уже развернутое представление о «дураке», однако эти высказывания только вводят его в еще большее недоумение, таким образом, финал эпизода остается открытым: «Это хорошо – любить народ, желать ему блага. <...> А у нас и горе от того, что все только желают, и от этого могут пропасть, как можно пропасть от дурака» [Там же]. Ответ на данный вопрос будет раскрыт в открытой форме в последующих главах повествования как проблема взаимоотношений «художника» и общества, отдельные члены которого не способны и не желают понимать новые формы выражения искусства.

Так, приведенное в форме прямой речи суждение отца коррелирует с заявлением нарратора, провозглашенным в главе IX в строках, посвященных историко-литературному контексту эпохи в авторской интерпретации: «Дорого стоят государству художники, да и их всегда мало. Как это странно, несмотря на огромную Россию. Что-то мешало, и мало было влюбленности в искусство и жизнь, в радость жизни и в искусство! Озабоченная политикой пресса... мало интересовалась искусством, считала правилом все поносить, ругать, разносить все, что являлось в искусстве выдающимся» [Там же, с. 61-62]. Такая тенденция приводила не только к драматическим последствиям в судьбе отдельной творческой личности, но, по словам автора-повествователя, к «трагедии потрясений» в масштабах страны. Содержательное тождество «чужой» и собственной авторской речи позволяет сделать заключение о преемственности точки зрения субъекта повествования. Если высказанные отцом художника мысли касаются только политического устройства в стране второй половины XIX в., то автор-повествователь, протягивая далее эту «нить», демонстрирует углубление политического и социального кризиса, сопряженного со смыслом и природой искусства. К тому же в главе IX от лица зрелого субъекта повествования данный способ изображения знаменует переход от завуалированного способа выражения взглядов, которые не присущи детскому сознанию, к прямой манифестации собственной интерпретации событий.

В автобиографии фиксируются основные вехи живописного становления автора-повествователя – эстетическая рефлексия реализуется в отражении первых попыток рисования, изображенных в конце второй главы, и описании атмосферы отчего дома, воспоминания о которой связаны с матерью художника (эти фрагменты рассредоточены по тексту автобиографии). Примечательно, что слова «когда мать рисовала» и «я тоже начал рисовать», выделены авторским курсивом, то есть графически акцентируется внимание читателя на данном мотиве. Здесь эстетическая рефлексия имеет краткую форму – от описания зимнего пейзажа за окном, на которое указала ему мать, нарратор переходит к передаче того, как мать «рисовала эту зиму. Но не выходило. Там были узоры ветвей, покрытые снегом. Это очень трудно» [Там же, с. 36-37]. Через призму творчества создается портрет матери, именно живопись матери и избранный ею объект изображения – природа – сближает их, в ее «картинках» автор-повествователь видел мыс Доброй Надежды и «улетал куда-то в райские края» [Там же, с. 29], о чем упоминается в первой главе. Сложность и невозможность живописного воспроизведения ветвей, отмеченная субъектом повествования, вербально предопределяет изобразительную манеру мастера, не склонного к детализации.

Эстетическая рефлексия по поводу своих первых художественных опытов передается автором-повествователем также в главе III через позицию матери, которая «поощряла, когда я рисую» [Там же, с. 47] (курсив принадлежит автору). Собственное мнение нарратор подтверждает словами: «Она даже сама носила со мной краски и бумагу в папке и сидела около, иногда говоря: – Там светлее, ты очень густо кладешь краски... – и иногда поправляла мне рисунок» [Там же]. Рекомендации матери, насколько можно судить, не были полезны автору-повествователю, поскольку, по его словам, и у него, и у матери не получалось изобразить природу такой, какова она была в действительности, а в своем зрелом изобразительном искусстве художник часто использовал плотные насыщенные густые краски [1; 2]. Однако в рассматриваемом эпизоде данный факт не отражен. В контексте данной главы моделируется система точек зрения на изобразительное творчество автора-повествователя, необходимая ему для демонстрации собственного пути в искусстве и его восприятия реципиентами.

В этой же главе появляется точка зрения стороннего человека, не имеющего отношения к изобразительному творчеству. Первым «критиком» нарратора выступает обиженный им заказчик («я сказал ему один раз... что поет он ерунду [“Чувиль мой, чувиль”]. Он на меня ужасно обиделся и пожаловался бабушке» [4, с. 47]). Очевидно предвзятое отношение молодого человека к портрету его супруги, «очень красивой и милой молодой женщины», которая сама попросила написать ее портрет: «Непохоже, вы никогда не будете художником» [Там же]. Однако, как показывает дальнейшее повествование, чем сильнее было давление на художника извне, тем острее была его реакция. Доказывая свое право быть творцом, нарратор добился схожести изображения внешности, отмечая при этом, что написать лицо было сложнее, нежели пейзаж. Приведенная автором-повествователем фраза персонажа – это первый «брошенный в художника камень» со стороны «толпы» которая не понимает «мук творчества», но уже спешит обидеть художника.

Еще одна точка зрения на оценку первых художественных работ автора-художника вводится в автобиографическое повествование посредством пересказа письма брата Сергея, уже поступившего в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества, к матери, в котором говорилось, «что Костю примут в Школу без экзамена, потому что очень понравились работы профессорам Саврасову и Перову», которые и посоветовали герою «серьезно заняться живописью» [Там же]. Это свидетельство решительного признания художественного дара автора-повествователя известными мастерами живописи – отклик на наброски и упомянутый портрет. В том же контексте утверждается живописное виденье художника-повествователя, его цветопись – избирая объектом рефлексии творчество брата, нарратор тем самым выражает несогласие с колористическим решением его этюдов с натуры, проявляя собственные установки: «в природе ярче и свежей» [Там же] (однако уже в главе VI нарратор отмечает, что написанное братом с натуры ему не нравилось).

Образ брата – живописца и графика Сергея Коровина – используется в качестве медиатора для передачи мнения других художников о живописи героя-повествователя. Так, в главе VII брат сообщает начинающему художнику о предстоящем экзамене в Училище живописи, ваяния и зодчества и говорит, что его этюды похвалил Алексей Кондратьевич Саврасов. «А Левитан сказал, что ты особенный и ни на кого не похож на нас. Но боится – поступишь ли ты? Ты ведь никогда не рисовал с гипса, а это экзамен» [Там же, с. 53]. Использование нарратором очередной положительной характеристики, данной ему признанным художником, – подтверждение художественной состоятельности автобиографического героя, которому на момент поступления в Московское училище живописи, ваяния и зодчества было всего 14 лет.

Осмысление истоков собственного творческого вдохновения становится ярким проявлением эстетической рефлексии в «Моей жизни». Письмо брата и присланные им краски послужили толчком к активному творчеству. Рассказ о письме сменяется описанием пейзажных видов, откуда автор-повествователь черпал вдохновение: «уходить» в природу, чтобы ее же писать, поскольку туда «звала мечта, поэзия». «Окружение, природа, созерцание ее было самым существенным в моем детстве. Природа захватывала всего меня, давая настроение, как бы ее изменения вместе слиты с моей душой» [Там же, с. 48]. Расставленные здесь творческие приоритеты характеризуют основное направление живописи, избранное художником. Свою позицию нарратор в ходе повествования никогда не меняет, а только подтверждает и усиливает.

Эстетическая рефлексия на тему природы, вводимая в текст посредством вербализованных пейзажей и психологического восприятия её автором-повествователем, затрагивает один из этапов творческих поисков – «писать картины мест и настроений», «от себя, не с натуры» [Там же, с. 49] – тоскливые, унылые, печальные, что совершенно несвойственно радостному искусству живописца. Таким образом, отражая свои творческие искания, трудности писать с натуры, проблемы изображения, особенно мелкого природного

рисунка, перспективы, до чего он доходил самостоятельно, автор-повествователь создает совершенно иное представление о форме воплощения визуальных образов. Подчеркнутая им неспособность передать красками «бисер ветвей и листьев», стремление раскрыть общее впечатление служат ключом к пониманию избранной мастером живописной техники крупных, крепких мазков.

Попытка изображения внешности человека вновь становится объектом эстетической рефлексии автора-повествователя при описании процесса создания портрета охотника Дубинина с собакой Дианкой. При этом нарратор отмечает, что трудности написания им как портрета, так и пейзажа объясняются отсутствием статики в позировании модели и в природе. Подчеркивая динамику любых проявлений жизни, автор-повествователь апеллирует к своему изобразительному искусству, в котором он «стремился к преодолению статичности живописи, ее инертности» [5, с. 87]. Расхождения художника и модели заключаются в различном понимании и восприятии колористического решения портрета, нарратор изобразил охотника Дубинина с рыжими усами, однако портретируемый настоял на том, что усы у него черные и на холсте они должны быть такими же.

По мере развития автобиографического повествования автор-повествователь постепенно утрачивает интонации, свойственные ребенку, и выступает как «состоявшийся» художник со своим живописным методом, это показано в главе VIII, которая, в отличие от всех остальных, имеет название – «Профессор Е. С. Сорокин». Если предыдущие главы демонстрировали не совсем удачные попытки художника-повествователя запечатлеть «натуру» (природу/человека), то здесь уже автор-повествователь «обнажает» свой творческий метод в процессе его воспроизведения – «самообъективируется». Здесь воплощена еще одна важная тема автобиографического повествования – тема бедности «художника», что проявляется в отсутствии у героя автобиографии нужных красок. В живописи Е. С. Сорокина выделяются как сильные, так и слабые стороны – нарратор заостряет внимание на отсутствии чувства цвета, экспрессии и жизни в картинах своего преподавателя.

Важнейшей составляющей эстетической рефлексии, как отмечает литературовед Д. А. Скобелев [8, с. 21], является спор или выражение солидарности с мнением других художников и отторжение / принятие их произведений. Так, эстетическая рефлексия реализуется в форме диалога с художником Е. С. Сорокиным, в ходе которого автор-повествователь отстаивал свое видение цвета, собственную художественную интерпретацию колорита в природе, живописную технику. Таким образом нарратор демонстрирует не только сам процесс создания им живописного произведения (после тщательного разбора картины приводится детальное воспроизведение творческого акта), но также и восприятие другим художником его искусства.

Тема взаимоотношения «художника» и общества развивается автором-повествователем в главе IX, начинающейся с рассказа об открытии в Москве Частной оперы С. И. Мамонтова, для которой художник исполнял декорации к «Аиде» Дж. Верди и «Снегурочке» Н. А. Римского-Корсакова совместно с В. М. Васнецовым. Объектом эстетической рефлексии нарратора в этом случае становится тип творческой личности. Автора-повествователя, которому важно признание результатов его художественного труда зрителями, критикой, прессой, деятелями изобразительного искусства, поражает, что создатель «Снегурочки» А. Н. Островский, «видимо, так ценил это свое мудрое произведение, что не хотел верить, что его кто-то поймет. Это было так особенно и так рисовало время» [4, с. 60]. Такая позиция творческой личности идет вразрез с эстетическими убеждениями автобиографического героя. «Ненормальным» представляется нарратору и то, что Н. А. Римский-Корсаков не приехал смотреть свою постановку. Собственные суждения о субъектах и объектах искусства автор-повествователь подкрепляет речью автобиографических персонажей, тождественной по смыслу, но с иными мотивировками. Подтверждение своего мнения субъект автобиографического повествования находит в оценке С. И. Мамонтова, которому приписывается довольно обширный монолог в форме обращенной прямой речи о «холодности и снобизме общества к дивным авторам», в котором неточно цитируются строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума». Цитата из лермонтовского текста приводится как характеристика духовной атмосферы эпохи, отношения к искусству в России. «А верно сказал офицер: создания искусств мечтою сладостной наш ум не шевелят... большой и умный был человек Лермонтов, – сказал Савва Иванович» [Там же].

Тема подавления свободы творческого самовыражения прослеживается в автобиографическом повествовании и в главе X, где В. Д. Поленов сообщает об аресте и заключении в тюрьму Саввы Ивановича Мамонтова, одним из пунктов абсурдного обвинения которого в растрате был «мох для оленя – 30 рублей» [Там же, с. 63], который зверь не ел, поэтому умер с голоду. Участь погибшего животного по сравнению с собственной бедой кажется С. И. Мамонтову более трагичной. В данном эпизоде реализуется политико-эстетическая рефлексия автора-повествователя, связанная с мыслью о том, что государство лишает возможности и желания творить масштабного деятеля искусства – С. И. Мамонтова, при этом выдвигая против него бессмысленный пункт обвинения, над которым смеялся сам герой.

Деятели искусства в России могут творить, но в условиях травли и различных препон. Так, нарратор отмечает, что клеевые краски, которыми он писал декорации, не сохли, поскольку маляры-рабочие клали в них соль, а В. А. Теляковскому «нанесено оскорбление действием во время репетиции» [Там же, с. 65] (на самом деле скандального инцидента удалось избежать). Автору-повествователю важно показать реакцию творческой личности, воспроизводя отдельные эпизоды из художественной деятельности разных деятелей искусства: например, под действием системы критики «ломается» С. И. Мамонтов, а отказавшийся стать управляющим московских Императорских театров В. А. Теляковский, несмотря на унижения и поношения, демонстрирует творческую жизнестойкость.

В «Моей жизни» нет явной полемики и дискуссий с деятелями искусства. Однако эстетическая рефлексия автора-повествователя имеет иную форму выражения. Приводя в автобиографическом тексте «чужое

слово», нарратор тем самым выражает собственную точку зрения. Затрагиваемые проблемы искусства связаны с личностью творца произведения искусства. Если на примере собственной жизни автор-повествователь демонстрирует становление творческой личности, то, вводя образы С. И. Мамонтова и М. А. Врубеля, деятельность которых, как и творчество К. А. Коровина, была новаторством в художественной жизни страны, он отражает обратный процесс – разрушения.

Неоднократно нарратор повторяет, что в отношении его творчества в газетах употреблялся ярлык «декадентство». В рамках автобиографии автор-повествователь не стремится описывать «продукты» своей художественной деятельности, а делает мерилем их эстетической ценности степень агрессии в прессе, вписывая себя в контекст той художественной среды, представители которой не были поняты в обществе (наряду с гонениями на М. А. Врубеля). Так, отмечая свою реформаторскую деятельность в декорационно-оформительской сфере, – костюмы, которые были сделаны к балету «Дон Кихот», автор-повествователь только указывает, что он «ввел новые фасоны пачек, вместо тех, которые были ранее, похожие на абажуры для ламп» [Там же].

Создавая в автобиографическом повествовании образ «Я» как творческой жизнестойкой личности, справляющейся с нападками прессы и критики, автор-повествователь проводит через все произведение драматическую линию: трагической развязкой его судьбы могла бы быть история жизни М. А. Врубеля, если бы автор-художник имел иной характер.

На протяжении всего повествования раскрывается становление живописного таланта нарратора, «кристаллизация» его творческого метода. Главы о зрелом творчестве затрагивают работу над декорациями, в последней XI главе внимание автора-повествователя сконцентрировано на фигуре М. А. Врубеля – в главе подводится итог, результат «злых гонений» прессы. В образе М. А. Врубеля выражаются авторские представления об идеале личности и изобразительного искусства. Здесь тема неприятия / непонимания гения достигает своего пика: чем талантливее художник, по мнению самого автора-повествователя, тем острее враждебное отношение к нему. Драматизм судьбы М. А. Врубеля для автора-повествователя еще и в том, что, помимо травли «великого таланта» в прессе, искусство М. А. Врубеля не было понято художниками-современниками при его жизни. «Савва Иванович Мамонтов только в конце жизни понял талант М. А. Врубеля. В. И. Суриков был поражен работами Врубеля. Прочие долго не понимали его» [Там же, с. 63].

Таким образом, текст «Моей жизни» К. А. Коровина носит искусствоцентрический характер, в нем повествование о творчестве довлеет над повествованием о жизни. Все описанные события пропущены автором-повествователем сквозь призму его эстетических критериев, а изображаемые персонажи становятся носителями определенной эстетической точки зрения или сами подвергаются художественной рефлексии. Метапоэтическая форма автобиографического повествования способствует самоидентификации художника в историко-культурном контексте России конца XIX – начала XX в. и служит средством познания судьбы творческой личности в системе общественных отношений.

Список источников

1. Басыров А. Я. Константин Алексеевич Коровин. Л.: Художник РСФСР, 1985. 103 с.
2. Гусарова А. П. Константин Коровин: Путь художника. Художник и время. М.: Советский художник, 1990. 239 с.
3. Константин Коровин вспоминает... / сост. И. С. Зильберштейн и В. И. Самков. М.: Изобразительное искусство, 1990. 607 с.
4. Коровин К. А. «То было давно... там... в России»: воспоминания, рассказы, письма: в 2-х кн. М., 2010. Кн. 1. Мемуары «Моя жизнь». Рассказы (1929-1935) / сост., вступ. ст. Т. С. Ермолаевой; прим. Т. С. Ермолаевой и Т. В. Есиной. 752 с.
5. Панкратова Е. А. Русская живопись и театр: очерки. СПб.: СПбГТУ, 1997. 322 с.
6. Перевезенцева А. С. Мировоззренческие основы объединения «Мир искусства»: свобода творчества и «чистое искусство» // Преподаватель XXI век. 2011. № 1. Ч. 2. С. 364-368.
7. Пономарева Ю. В. Метапоэтика живописи как проблема // Textus. 2008. № 12-1 (12). С. 362-372.
8. Скобелев Д. А. Эстетическая рефлексия Ю. П. Анненкова: на материале художественных и публицистических произведений: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2009. 210 с.
9. Тюпа В. И., Бак Д. П. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. Кемерово: КемГУ, 1988. С. 4-15.
10. Сурикова Г., Кузьмичев И. Жажда общения с миром // Нева. 1974. № 6. С. 176-186.
11. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика: учебный словарь / под ред. В. А. Шаповалова. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006. 601 с.

PECULIARITIES OF AESTHETIC REFLEXION IN K. A. KOROVIN'S AUTOBIOGRAPHY "MY LIFE"

Gal'kova Alena Vadimovna
National Research Tomsk State University
Kalosagahtos@gmail.com

The article deals with the peculiarities of aesthetic reflexion in the autobiography of the artist-emigrant K. A. Korovin "My Life". The tendency of the author's aesthetic reflexion is conditioned by the artist's search for his creative path, comprehension of his own artistic activity and evaluation of creativity of his contemporaries. It is noted that within the framework of the autobiographical narration as argumentation / counter-argumentation for justifying his own aesthetic judgments the artist uses "someone else's word".

Key words and phrases: aesthetic reflexion; metapoetics; autobiography; visual arts; the first wave of emigration; K. A. Korovin.